

Охотничью собаку Сань Мяо звали просто и незатейливо — Сань Лян.

У нее была черно-желтая шерсть, и хотя она была пушистой, ее телосложение было удивительно гармоничным, без малейшего намека на грузность. Даже Лу Лю, не будучи знатоком, видел в ней стать и проворство.

Окрас был очень красивым: морда ниже глаз была светло-желтой, почти кремовой, и такого же цвета был «воротник» на груди и животе. Желтый был настолько светлым, что на солнце казался белым.

Но что больше всего запоминалось, так это треугольная отметина на лбу, с размытыми краями, словно благословение горного духа.

Стоило Шунь-гээр позвать ее, как она тут же подошла.

Лу Лю заметил, что ее лапы были отчетливо белыми.

— Какая красивая! — воскликнул он.

Шунь-гээр протянул руку, и Сань Лян положила на нее лапу.

Он велел ей сесть, и она села, не убирая лапы.

Только когда Шунь-гээр убрал руку, она опустила лапу. Ее стоячие уши были полны живого любопытства.

Лу Лю не удержался и тоже протянул руку:

— Сань Лян, дай лапу.

Сань Лян посмотрела на него и, помедлив, положила лапу ему на ладонь.

Лапы охотничьей собаки не были мягкими, подушечки огрубели и покрылись мозолями, и на ощупь были твердыми, как галька.

Лу Лю сжал ладонь, его пальцы коснулись теплой и мягкой шерсти на ее лапе.

— Хорошая собачка, какая ты красивая, и такая приятная на ощупь! — не переставал хвалить

он.

Шунь-гээр, глядя на это, скривил губы:

— Брат-супруг, ты забыл? Ты пришел смотреть невесту для Эр-хуана!

— А? — спохватился Лу Лю.

Он подумал, что у Эр-хуана совсем нет вкуса. Почему ему не нравится такая красивая и послушная собака, а нравится задиристая Хуа-ню?

Сань Лян даже не пыталась его лизнуть, и Лу Лю захотел угостить ее.

— Она не будет есть, — сказал Шунь-гээр. — Даже если положить в миску, не притронется. Ее кормит только брат Сань Мяо.

Тогда Лу Лю не стал ее угощать. Он встал и отдал несколько команд, которые обычно использовал в играх с Эр-хуаном.

Например, «прыгай» или «кружись». Более агрессивные команды, вроде «взять» или «нападай», он отдавать не решался.

Они так увлеклись игрой с собакой, что не заметили, как пролетело время.

Только услышав звуки гонгов и барабанов, они поняли, что прибыл свадебный кортеж. С неохотой попрощавшись с Сань Лян и пообещав навестить ее снова, они пошли.

— В будку, — скомандовал Шунь-гээр.

Крыша будки была не сплошной, между ней и дверью оставался зазор фута в два. Красавица-собака, желая блеснуть, с разбега подпрыгнула и, легко перелетев через дверь, приземлилась в будке. Приоткрытая дверь даже не шелохнулась.

Лу Лю захлопал в ладоши:

— Вот это да!

Сань Лян гавкнула в ответ.

Лу Лю она понравилась еще больше. Такая отзывчивая, ни одно слово не пропадает даром.

Хорошая собака.

Шунь-гээр был хорошо знаком с семьей Сань Мяо. Он набрал воды на заднем дворе, они вымыли руки и пошли на передний двор посмотреть на суматоху.

Свадебный кортеж прибыл: шесть повозок, запряженных тремя ослами и тремя мулами.

Сам Сань Мяо шел впереди, за ним — Ли Фэн и Да Цян.

Всех, кто участвовал в процессии, Лу Лю узнал: это были те, с кем он сидел за одним столом на своей свадьбе, хорошие друзья Ли Фэна.

Возниц подбирали тщательно: все были крепкими, статными и красивыми парнями. А вот те, кто сидел в повозках и бил в гонги и барабаны, были попроще, лишь бы выглядели прилично.

Они протиснулись вперед. Везде была толпа, все говорили только добрые пожелания. Это было не похоже на обычный разговор, где слова текут одно за другим, но все равно все подхватывали друг друга.

Стоило кому-то сказать «живите до седых волос», как тут же кто-то добавлял «и внуков вам полон дом». Было очень шумно!

Лу Лю уже переживал подобное. На его свадьбе, хоть он и был под свадебным покрывалом, гул поздравлений был еще громче — из-за большего числа гостей.

Когда жених повел своего супруга в дом для свадебной церемонии, Шунь-гээр и Лу Лю не смогли протиснуться внутрь и лишь на цыпочках пытались что-то разглядеть.

Шунь-гээр — из-за юношеского любопытства, а Лу Лю — из-за искреннего интереса.

Он никогда раньше не был на пирах. На деревенские праздники, будь то свадьба или поминки, их семью приглашали только самые близкие, боясь, что они не смогут ответить тем же.

Поэтому обычно ходил только его отец, а его самого не брали. Лишний рот, даже если он не притронется к еде, все равно будут подозревать, что он что-то украдет.

В толпе он нашел Ли Фэна.

Тот громко смеялся и вместе с другими мужчинами поддразнивал Сань Мяо.

Когда прозвучало «отправляйтесь в брачные покои», их улюлюканье, казалось, могло обрушить

крышу.

С ним Ли Фэн так себя не вел, всегда был заботлив.

Лу Лю нравилось, когда о нем заботились, но в этот момент его почему-то привлек этот необузданный характер Ли Фэна, и ему захотелось увидеть его дикую сторону.

Когда новобрачные ушли в свои покои, можно было садиться за столы.

Шунь-гээр заранее узнал, где их места, и, взяв Лу Лю за руку, подвел его к столу, где сидела Чэнь Гуй-чжи. Они вдвоем уселись на одну длинную скамью с несколькими другими молодыми женами и супругами, и было так тесно, что любое движение задевало соседа.

Сань Мяо старался подражать свадьбе Ли Фэна, но во всем уступал.

Повозок было меньше, еду подавали один раз, а не в несколько смен.

Процессия уже закончилась, и о повозках можно было не беспокоиться.

Перед началом пира все уставились на еду на столах.

Лу Лю, помня о просьбе Шунь-гээр, спросил его:

— Что ты хочешь съесть?

Он постарается это добыть!

Шунь-гээр хотел большую свиную рульку.

Он всего раз или два ел рульку на пирах!

Все тянули палочки, и в мгновение ока тарелка пустела, было не успеть.

Разговоры и выпивка начинались, когда в мисках уже была еда, а сейчас нужно было следить за блюдами.

Лу Лю запомнил и спросил у Чэнь Гуй-чжи:

— Матушка, а ты что хочешь?

Чэнь Гуй-чжи посмотрела на Лу Лю, потом на Шунь-гээр, который с блестящими глазами смотрел на стол, и ничего не ответила.

Она не хотела отвечать Лу Лю, но вспомнила про два свиных желудка.

— ... — сказала Чэнь Гуй-чжи. — Шунь-гээр хочет рульку? Я тоже буду.

Лу Лю кивнул и взял в руки палочки Шунь-гээр, теперь у него в каждой руке было по паре.

Супруг Чэнь сидел с ними за одним столом, и случилось то, чего Лу Лю боялся больше всего.

— Вот посмотрите, гээр из уезда, сразу видно, — сказал супруг Чэнь. — На пир с двумя парами палочек пришел.

Лу Лю был занят, он следил за едой и не стал ему отвечать.

Пустая тарелка — это дело одного мгновения, нельзя отвлекаться.

Супруг Чэнь продолжал язвить по поводу свадьбы Сань Мяо:

— И повозок мало, и еды недостаточно, и выкуп небольшой. Зачем тебя вообще позвали? Не боятся, что ты их засмеешь?

Люди празднуют, а он что несет?

Лу Лю нахмурился. Если это услышат хозяева, им будет неприятно.

— Я буду смеяться только над тобой, — сказал он. — Жалко тебя. У Сань Мяо такой праздник, все веселятся, а ты даже радоваться не умеешь, только злишься.

Супруг Чэнь хотел было возразить, но Чэнь Гуй-чжи остановила его:

— Ты что творишь? Язык отсохнет? Твой муж с Сань Мяо с детства дружит, он тебя просил портить праздник?

Супруг Чэнь боялся Чэнь Гуй-чжи. Он назвал ее тетей и замолчал.

В этот момент отец Сань Мяо крикнул:

— Начинаем!

Лу Лю тут же вскочил и обеими руками принялся яростно накладывать рульку.

Перед тем как встать, он боялся, что будет выглядеть нелепо, но оказалось, что все за столом тоже вскочили.

Шунь-гээр где-то раздобыл еще одну пару палочек и, не в силах добыть еду, принялся мешать другим, тыкая палочками то туда, то сюда, и очень веселился.

Чэнь Гуй-чжи тоже хотела взять рульку, но, увидев, как Лу Лю, не промахиваясь, орудует двумя парами палочек, накладывая кусок за куском, а если промахивался, то тут же подхватывал что-то другое...

— ... — подумала она. — В уезде тоже за еду дерутся?

Она переключилась на другие блюда. На столе было два супа — из дикого фазана и змеиный. Еще было тушеное мясо кролика, тушеная свиная рулька, свинина с капустой и вяленое мясо на пару. Всего четыре мясных, два овощных и два супа.

Лу Лю наложил себе полную миску рульки, куриную ножку, кроличью лапку, полмиски вяленого мяса, полмиски змеиного супа, несколько кусков свинины, крольчатины и курятины.

Миска Шунь-гээр была полна, миска матери была полна, и его миска тоже была полна. На столе стояла пустая тарелка, и он положил еду и туда.

К концу он уже орудовал одной парой палочек, а в другой руке держал тарелку. Куда бы он ни протянул руку, еда исчезала, оставляя всех за столом в изумлении.

Чэнь Гуй-чжи дважды позвала его, и только тогда он понял, что он — «Ян-гээр», и, улыбаясь, опустил руки. Глядя на гору добычи перед собой, он улыбался так, что глаза превратились в щелочки.

Пир — это просто и весело.

Он придет еще!

Все за столом говорили Чэнь Гуй-чжи, какого хорошего супруга она нашла для Ли Фэна.

— Такой молодец, лучше, чем жена Эр Тяня. В прошлый раз, когда ты ее приводила, ей приходилось помогать накладывать еду!

Чэнь Гуй-чжи тоже была довольна. На деревенских пирах не до церемоний, будешь скромничать — останешься голодным. Лу Лю сегодня проявил себя отлично, и ей это понравилось.

Хуже всех за столом пришлось супругу Чэнь. Он несколько раз пытался взять еду, понял, что не успевает, и потянулся за самым непопулярным блюдом — свиной, но Шунь-гээр помешал ему, и он почти ничего не взял.

Теперь, когда пришло время для разговоров, его миска была пуста, и ему даже пить не хотелось.

На улице тоже начался пир, у мужчин был свой стол.

Ли Фэн, под предлогом, что будет пить за него, ходил с Сань Мяо от стола к столу, произнося тосты. Подойдя к столу Лу Лю, он взглянул на него, и его брови взлетели вверх от гордости. Какой молодец его маленький супруг!

Сань Мяо было всего девятнадцать, он был в том возрасте, когда любят веселиться. Обойдя весь стол, он оставил Лу Лю последним и попросил Ли Фэна выпить за него.

Лу Лю уже налил себе вина, и когда поднял голову и увидел, что пьет с Ли Фэном, его лицо мгновенно вспыхнуло.

— Пей, — сказал Ли Фэн.

Это была свадьба Сань Мяо, они не должны были привлекать к себе внимание.

Услышав это, Лу Лю залпом выпил.

Вино для свадьбы покупали простое, крепкое и мутное. Оно обожгло горло, и Лу Лю, выпив, прикрыл рот рукой и закашлялся.

Ли Фэн хлопнул его по спине. От его прикосновения Лу Лю закашлялся еще сильнее и бросил на Ли Фэна взгляд, в котором было больше нежности, чем упрека.

Сань Мяо нужно было идти к следующему столу, и Ли Фэн ушел с ним.

Шунь-гээр предложил Лу Лю поесть еще, но тот не хотел еды, а хотел пить.

Чэнь Гуй-чжи встала и принесла ему чашку чая. Лу Лю выпил половину, и на его лице уже были видны признаки опьянения: щеки покраснелись, а глаза заблестели.

— Спасибо, матушка.

Чэнь Гуй-чжи, видя его состояние, велела ему потерпеть:

— Скоро пойдем домой спать.

Лу Лю кивнул и, порывшись палочками в миске, нашел змеиное мясо. Зажмурившись, он бросил его в рот.

Мясо было очень нежным, по текстуре напоминало куриное, но было еще более сочным. Вкусно.

Лу Лю выловил остальное змеиное мясо и отдал матери.

У Чэнь Гуй-чжи было свое.

— Ешь сам.

Лу Лю был уже пьян:

— Ты ешь, съешь и полюбишь меня, хе-хе.

Он был пьян, и Чэнь Гуй-чжи не стала с ним спорить:

— Съешь, потом поговорим.

Лу Лю простодушно спросил:

— О чем? О том, что ты меня любишь?

Чэнь Гуй-чжи потеряла дар речи.

Она не Да Фэн, чтобы говорить о любви.

Шунь-гээр, сидевший рядом, с трудом сдерживал смех. Он похлопал Лу Лю:

— Брат-супруг, дай мне, я съем и точно тебя полюблю!

Лу Лю повернулся к Шунь-гээр и сказал очень бессердечные слова:

— Мне нужно, чтобы матушка меня любила, а не ты.

— ... — Шунь-гээр обиделся.

Ну почему так!

Чэнь Гуй-чжи, не желая, чтобы он натворил дел на пиру, оставила змеиный суп в миске.

Лу Лю снова порылся в своей миске и вытащил рульку. У него было три куска: два он отдал матери, один — Шунь-гээр.

Шунь-гээр снова обрадовался.

Брат только притворялся, что не хочет его любви!

Чэнь Гуй-чжи, видя, как Лу Лю опьянел от одной чашки вина, мысленно бросила укоризненный взгляд на Ли Фэна.

Редко удается попасть на пир, а он все хорошее раздает, не дело. Она отдала Лу Лю кроличью лапку.

— Ешь.

Лу Лю послушно съел.

Он впервые пробовал крольчатину в день своей свадьбы, когда Шунь-гээр принес ему еду.

Это был второй раз.

Кролика для этого блюда сначала запекли, а потом потушили.

Запеченный кролик имел хрустящую корочку, а затем его тушили с другими ингредиентами в большом котле.

При запекании специй добавляли мало, лишь делали надрезы, чтобы он пропекся. А при тушении соус проникал внутрь, и каждый кусок был пропитан густым ароматом.

Лу Лю не мог различить вкус кролика, просто знал, что мясо очень вкусное.

Он грыз косточку и время от времени говорил:

— Спасибо, матушка, — с самым послушным видом.

Люди за столом снова заговорили с Чэнь Гуй-чжи, хваля ее нового супруга из уезда.

— И еду добыть умеет, и почтительный, и брата любит, и к Да Фэну хорошо относится, и тебя слушается. А то недавно говорили, что они с Да Фэном не ладят, что его побили так, что он с кровати встать не мог. Все это враки, видишь? Ты видела, как Да Фэн на него смотрел? У него брови до небес взлетели!

Чэнь Гуй-чжи не слышала об этом:

— Как это не ладят?

Увидев, что она не в курсе, все наперебой стали ей рассказывать.

У Лу Лю гудело в ушах, он не мог разобрать, кто говорит, в глазах все двоилось. К концу он уже не грыз кроличью лапку, а скорее скоблил ее, с трудом отрывая крошечные кусочки мяса.

К счастью, большую часть он съел быстро, так что пропало немного.

Когда пир закончился, остатки еды, особенно кости, некоторые забирали домой для собак.

Лу Лю все еще сидел, оцепенев. Шунь-гээр попытался поднять его, но не смог.

Чэнь Гуй-чжи и Шунь-гээр вдвоем, подхватив Лу Лю под руки, повели его домой.

В деревне от похмелья пили отвар из редьки с сахаром. Как раз был сезон редьки, и Чэнь Гуй-чжи выдернула одну, порезала половину и бросила в котел, добавив сахара.

Когда Ли Фэн, поучаствовав в шутливых проводах новобрачных, вернулся домой, ему тоже налили чашку отвара.

От отвара бросало в пот, и они решили сегодня не возвращаться к себе, а попросили супруга Яо покормить Эр-хуана и бросить кроликам редьку.

Супруг Яо обещал оставить для Лу Лю еды и сдержал слово.

Он помогал на кухне и не мог открыто вынести еду, поэтому дождался конца пира и отдал ее

Ли Фэну. В миске были только мясные блюда, которые не подавали на стол, все было чистое, стоило только разогреть.

Оставив еду на кухне, Ли Фэн отнес Лу Лю в спальню, снял с него обувь, укрыл одеялом и пошел к матери.

У Чэнь Гуй-чжи был к нему разговор, как раз о его нечистой совести.

Ли Фэн отнекивался:

— Совесть у меня чиста, я просто о тебе забочусь.

Чэнь Гуй-чжи спросила:

— Я что, злая свекровь? Мне нужно то и дело есть свиной желудок, чтобы быть доброй?

Ли Фэн замолчал.

— Были деньги, вот и купил побольше. Не думай ничего, остался всего один, съедим и все.

Чэнь Гуй-чжи больше не хотела.

Она хоть и не была гурманом, но знала, что для того, чтобы свиной желудок был вкусным, его нужно тщательно чистить.

Зимой, когда Ли Фэн с утра до ночи был на охоте, а его супруг оставался один дома, этим наверняка занимался Лу Лю.

Один раз — ладно, но три — это уже тяжело.

И при этом они так и не рассказали ей, в чем дело. У Чэнь Гуй-чжи было беспокойно на душе.

— Что, семья Чэнь потребовала у него денег? И он дал?

Это было худшее, что она могла себе представить.

Ли Фэн покачал головой:

— Он простодушный, на ярмарке даже лишнего не потратил, а вернувшись, отдал мне всю

мелочь. Не мог он помогать семье Чэнь.

Тогда Чэнь Гуй-чжи совсем не понимала, в чем дело.

Ли Фэн туманно ответил:

— Все из-за того обмана со свадьбой.

Для Чэнь Гуй-чжи этот вопрос был уже закрыт.

Они получили три стеганые куртки, что вполне покрывало приданое.

Жених всегда должен был платить больше. Не обязательно равняться, главное, чтобы было прилично.

Она нахмурилась:

— Ян-гээр все еще помнит об этом?

Ли Фэн лишь кивнул, не вдаваясь в подробности.

Чэнь Гуй-чжи расслабилась:

— Хорошо, я поняла. Последний желудок не приносите. Он сегодня говорил, что никогда раньше не ел свиной желудок. Оставьте его себе, попробуйте.

Ли Фэн сказал много хорошего о Лу Лю и, пользуясь случаем, спросил:

— Матушка, как он тебе?

Чэнь Гуй-чжи вздохнула:

— Я готова была отдать двадцать лянов серебра, чтобы женить тебя. Ты что, не понимаешь, чего я хочу? Мне нужно только, чтобы ты был счастлив, чтобы твой супруг был с тобой заодно. Ты слишком много страдал, и я виновата перед тобой.

— Ты старший, ты был ближе всех к отцу. Когда его не стало, тебе пришлось и семью содержать, и дом в порядке держать. Ты уходил в горы на несколько месяцев, даже собаку себе выбрать не мог, брал то, что оставалось. Потом, когда пришло время жениться, то ты кому-то не нравился, то наша семья. У тебя не было выбора.

— Деньги — это хорошо. С деньгами мы выбираем. И ради чего я выбирала? Старший, если вы будете жить хорошо, я выдержу любую беду. А то, как ты живешь сейчас, только заставляет меня беспокоиться.

Ли Фэну стало тяжело на душе. Он подумал, но решил пока ничего не говорить.

— Мы с ним заодно. Он простодушный, только обо мне и думает. Мы поженились, а он почти из дома не выходит, все прибирает, работает. Я куда ни гляну — ни пылинки. Возвращаюсь — а меня ждет горячая еда и теплая постель. И говорит он ласково, во всем мне угождает, не раздражает. Я хочу с ним прожить хорошую жизнь.

Чэнь Гуй-чжи поняла.

Случилось что-то серьезное.

Она долго молчала, а потом вдруг сказала:

— Тогда давайте разделимся. Скоро Новый год, на новогоднем ужине я позову главу деревни в свидетели, вы с Эр Тянем разделитесь. Ты знаком с кузнецом, купи мне еще один котел, мы с Сань Шунем будем готовить отдельно.

Ли Фэн согласился на раздел. Эр Тянь с женой были не в ладу, и если история с обманом всплывет снова, в их семье не будет покоя.

Но матери с братом не нужно было отделяться, он старший, он будет их содержать.

Чэнь Гуй-чжи не согласилась:

— У вас там серьезные дела, я не буду вмешиваться. Я позабочусь о Сань Шуне, через пару лет найду ему хорошую партию, и мой долг перед твоим отцом будет выполнен. Когда он женится, я посмотрю, рухнул ли твой мир. Если нет, тогда подумаю, чтобы жить с вами.

До Нового года оставалось больше двадцати дней, и Ли Фэн не стал спорить.

Возможно, все еще изменится.

Он вышел, Шунь-гээр уже нагрел воды и позвал его умыться и вымыть ноги.

Ли Фэн отнес воду в спальню. Лу Лю не спал, лежал с открытыми глазами, слабый и расслабленный. Увидев Ли Фэна, он улыбнулся.

— А я думал, это сон. Не мог понять, где я, и моего Да Фэна нет.

Ли Фэн отжал полотенце и протер ему лицо. Лу Лю послушно закрыл глаза, а когда он закончил, снова посмотрел на Ли Фэна и сладко улыбнулся:

— Да Фэн, я понравился матушке.

— О? — спросил Ли Фэн. — И как же?

— Она съела змеиное мясо, а я — кроличью лапку! — ответил Лу Лю.

Это не имело никакого отношения к симпатии, но Ли Фэн лишь поздравил его.

Лу Лю был так счастлив, что только хихикал.

Ли Фэн откинул одеяло у его ног и принялся вытирать ему ступни.

Лу Лю вспомнил еще кое-что и снова позвал его:

— Да Фэн, ты сегодня был очень, очень, очень хороший.

Он долго не мог подобрать слова, но знал, что ему очень понравилась эта необузданная сторона Ли Фэна.

Ли Фэн спросил, что именно ему понравилось, и Лу Лю ответил:

— Мне нравится, когда ты громко смеешься.

Ли Фэн не мог не рассмеяться:

— Маленький пьяница, ты столько всего наговорил, а я ни слова не понял.

Лу Лю не считал себя пьяным.

— Я маленький Лю, а не маленький пьяница. Я сказал, что мне нравится, когда ты громко смеешься, а ты не понял.

Ли Фэн попросил его объяснить, но мозг Лу Лю работал медленно, мысли путались, и он сказал:

— Просто мне нравится, когда ты счастлив!

Сердце Ли Фэна готово было растаять.

— Я счастлив, и тебе это нравится?

Лу Лю кивнул:

— И смеяться нужно громче!

— Что-нибудь еще? — спросил Ли Фэн.

— Будь со мной немного диким, — застенчиво ответил Лу Лю.

Как именно «диким», он объяснить не мог.

Вечером, когда они ели курицу, он бы объяснил, если бы Ли Фэн приложил немного усилий.

Вот именно так, нужно быть более грубым. Такой Ли Фэн был настоящим, и тогда ему не казалось, что это сон.

Хотя он и плакал, и умолял о пощаде, его голос был сладким, как мед, а в интонациях звучал призыв. Он говорил «не надо», а на самом деле хотел, говорил «полегче», а на самом деле — «сильнее».

Если бы Ли Фэн послушал его, замедлился, стал нежнее, он бы надолго замер, а потом прямо спросил:

— Уже все?

Конечно, нет.

Если бы это повторилось несколько раз, он бы, опьянев, выложил всю правду.

— Да Фэн, ты раньше таким не был. Ты что, не наелся? Кажется, ты устал? Может, в следующий раз, я и поспать могу.

Это было все равно что прямо сказать Ли Фэну, что он больше не может.

В доме, где они жили, Ли Фэн зажимал ему рот своей большой рукой, заглушая все его стоны, или целовал его, поглощая все звуки, которые заставляли его стараться еще больше.

От этого он сильно потел, и отвар не помогал. Курица, наоборот, отрезвила его.

Он, сгорая от стыда, в трезвом уме ощущал всю дикость Ли Фэна.

Приходилось самому зажимать себе рот, прятать голос и послушно не убегать.

Ночь сменилась утром. Веки Лу Лю были тяжелыми, ему хотелось спать. Протерев глаза, он увидел в лучах света плавающие пылинки.

— Ты разломал стену, — сказал он Ли Фэну.

Ли Фэн громко рассмеялся — тем самым смехом, который так нравился Лу Лю.

<http://bllate.org/book/16991/1589375>